

УДК 316.346.32-053.9

И. А. Шмерлина

«ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СТАРЕНИЯ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ «АНОМАЛИИ» (Часть II)

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ; старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: Shmerlina@yandex.ru.

Аннотация: Статья написана на материалах качественного исследования, проведенного Центром методологии федеративных исследований РАНХиГС и АНО «Социальная валидация» по заказу Благотворительного фонда «Ладога» летом 2012 г. среди пенсионеров Ивановской области (40 глубинных интервью) (руководители — Р. Е. Бумагин, Д. М. Рогозин). В статье проблематизируется предложенная Дж. Винсентом концептуальная дихотомия «либерализация старения» vs «либерализация от старения», представляющая собой своеобразную попытку вменить обществу «правильную» модель старения. На эмпирическом материале выведены три базовых сценария старения, характерных для современной провинциальной России: продолжение допенсионного образа жизни с сохранением установок активного трудоспособного возраста; доживание; переориентация на социальную и личностную реализацию в новых сферах жизни. Показано, что эти сценарии плохо «стыкуются» с названной дихотомией. О «либерализации» можно говорить только по отношению к третьему сценарию, при этом реализуется скорее вторая, нежели первая из обозначенных альтернатив.

Ключевые слова: старение, молодость, демографическое старение, культ молодости, либерализация старения, либерализация от старения, доживание, свободное время, стигматы старости.

Стратегия № 2. Доживание

Стратегия доживания наиболее насыщена житейскими историями и наиболее неоднородна — как в фактологическом, так и в эмоционально-оценочном плане.

При всем разнообразии биографических ситуаций «доживания» мы считаем целесообразным оставить этот концепт как рамочный термин, позволяющий отразить некоторые специфические черты, присущие всем вариантам подобного образа жизни, а именно:

- отсутствие в жизни информанта новых сфер приложения сил, с которыми были бы связаны принципиально новые формы социализации и способы самореализации (получение новой специальности, решительное изменение прежнего образа жизни, новое супружество и т. п.);

© Шмерлина И. А., 2013

- ретроспективное восприятие жизни;
- сосредоточенность жизни на повседневных бытовых проблемах;
- отсутствие собственных (личных, персональных, личностных) целей и притязаний в жизни;
- переориентация внимания с личных интересов на интересы родных и близких;
- в значительном числе случаев (но не всегда) — негативный отрицательный фон. Люди, «доживающие» свой век (в отличие от тех немногих, кто его просто «живет»), как правило, не ждут от жизни новых радостей.
- стратегия «доживания» часто (но не всегда) объективно «взывает» к помощи со стороны внешнего социального агента, будь то государственные / муниципальные службы, благотворительные или самодеятельные организации.

Несмотря на отчетливую негативную коннотацию концепта «доживание», реально он может быть связан с достаточно позитивным эмоциональным настроем, когда доживание, наполненное простыми повседневными заботами, оказывается в радость. Напомним сформулированную в начале этой статьи эволюционно-психологическую гипотезу, согласно которой спокойная старость, пассивно участвующая в жизни более молодых поколений, — это, возможно, именно то, на что настроены врожденные механизмы человеческой природы.

Однако стратегия доживания, так же, как и трудовая, часто бывает навязанной пожилому человеку. Одним из наиболее тяжелых вариантов такого рода внешнего принуждения является ситуация постоянного вынужденного ухода за престарелыми родственниками.

Проблема совместного проживания двух поколений пожилых людей отнюдь не является специфически российской, это — естественная «расплата» за увеличение продолжительности жизни, которая актуальна для всех развитых стран. У этой проблемы есть разные решения (см., например: [1]), но все они так или иначе требуют материальных средств. Отечественная специфика состоит в том, что у подавляющего большинства российских пенсионеров, живущих в глубинке, нет ни социальных, ни материальных ресурсов, которые могли бы облегчить бремя ухода за престарелыми родственниками. В результате оставшийся пенсионеру период активной полноценной жизни уходит на бессменный патронаж.

- *Пенсии я ждала, последние два года я ждала как праздника... ждала, что у меня будет время, я на даче буду это делать, это делать... А еще книг, у меня библиотека очень хорошая была. Это прочитаю, вот это прочитаю... Но когда вышла на пенсию, все постарели. Свекровь 90 годов старая, заболела... инсульт... как мне медицина говорит: «Чужой век живет»... Вот, я ходила. Ладно, ее схоронили... Мама заболела. Сестра инвалид детства... мне пришлось ее взять к себе. Мама умерла, схоронила... сестру парализовало, инсульт... Соседку парализовало... К соседке два года ходила... Деда парализовало. Дед шестой год лежит. Какая это пенсия? Что это? ...Это тюрьма строгого режима, эта пенсия.*

Другим распространенным сценарием отказа от своей в пользу чужой жизни является переориентация на проблемы и заботы детей и внуков. Весьма типично, когда в определенном, как правило, еще вполне активном возрасте человек считает свой

собственный жизненный путь реализованным и переключается — как психологически, так и финансово — на своих потомков.

Исследователи подчеркивают, что подобные практики отнюдь не уникальны для России, и что в первую очередь это удел женщин: «...женщин в средних возрастах иногда называют “сэндвич-поколением” (“Sandwichgeneration”): те, кому 30–40 лет, тянут свои семьи, а также помогают стареющим родителям, бабушкам и дедушкам, а те, кому 50–60, ухаживают не только за своими престарелым родителями, но и помогают своим детям и внукам...; Одно из американских обследований показало, что в среднем 17 лет своей жизни женщины помогают взрослым детям, а 18 лет — стареющему супругу» [2].

В России модель жертвенной жизни имеет очень прочные социокультурные корни. Когда-то граждане великой страны жили ради ее блага, и никакая жертва при этом не казалась слишком большой. Патриотическая жертвенность ушла, но родственная ничуть не изменилась. Проявления последней, казалось бы, симметричны: родители живут ради детей, дети помогают родителям в старости. Однако нестрогие наблюдения позволяют выдвинуть гипотезу о некотором дисбалансе родственной помощи: ее преимущественной формой оказывается помощь слабых членов сильным. Отчасти, это универсальная (в рамках по крайней мере европейской культуры) форма распределения внимания между членами разных поколений: «...Если общественные институты перераспределяют ресурсы в пользу старших возрастов, то в семье, наоборот, в выигрыше оказываются младшие поколения. Более того, в западном обществе трансфертные потоки от детей к родителям хотя и увеличиваются с возрастом детей, но пока в целом уступают по объему пожизненному родительскому потоку благ и услуг» [2].

В российском варианте данная модель отягощается существенными обстоятельствами: (а) чрезвычайно низким уровнем жизни пенсионеров, (б) некоей тотальностью родственной помощи: детям и внукам часто отдаются все жизненные ресурсы пожилого человека. Это кажется вполне оправданным, если придерживаться весьма распространенного в обыденном дискурсе представления о смысле жизни как жизни ради потомков, что респонденты формулируют так: *«Я считаю, что человек живет для семьи, для детей».*

В целом подобный сценарий старения связан со скромным, непритязательным отношением к жизни. Если жизнь прошла «правильно» — через семью, детей, внуков — она воспринимается со спокойным удовлетворением. Этот вариант «счастливой старости» целиком и полностью ретроспективен. Если какие-либо ожидания у пожилого человека и остаются, они замкнуты на детей и внуков. *«Для себя лично»* остается коротать — убивать! — время в посильных занятиях, которые не приносят особой радости, но позволяют заполнить пустое пространство жизни.

Подобный вариант нормальной старости, являющейся естественным продолжением нормально, «правильно» прожитой жизни, модельно реализован в биографии одной из участниц ивановского исследования. Ее рассказ — показательная, типичная история не только старости, но самой жизни простой российской женщины, в которой нет места персональному счастью, самореализации и прочим индивидуалистическим радостям, но есть честное, самоотверженное служение жизненному долгу, понятому как благополучие детей.

— *Р.: ...Самое главное – лишь бы дети хорошо жили...*

- *...И.: А что вы планируете сделать в ближайшее время? Есть у вас какие-то планы?*
- *Р.: А что планировать? В планах у меня только то, чтобы они выстроились, все сделали, скорее бы все. Я им помогаю. Я получила пенсию, им все отдаю. Получу, отдаю почти все, только бы они быстрее выстроились...*
- *...И.: Как вы думаете, Людмила, для чего человек живет?*
- *Р.: Для детей. Только для детей, мне кажется. ...Я всю жизнь только для детей живу, лишь бы им хорошо было. А мне – плевать на меня. Лишь бы им хорошо было.*

Ситуация, когда престарелые родители, бабушки и дедушки, которые сами едва сводят концы с концами, до последних дней тянут лямку родственной любви и заботы, весьма типична. Часто это приносит пожилым людям определенную эмоциональную отдачу: радость за успехи и благополучие родных. Но при этом есть и другой компонент — укорененность, культурная встроенность такой модели, которая воспринимается как нормальный, правильный, повсеместно принятый порядок жизни. Поэтому трагическая история «сломанной старости» 67-летней женщины, которая под давлением детей продала деревенский дом и переселилась в семью, где она никому не нужна, не воспринимается как нечто экстраординарное. Скорее, это последовательная реализация установки на «естественное» перераспределение ограниченных ресурсов, в соответствии с которой молодые решают свои житейские проблемы за счет пожилых родителей.

- *...тут как все это вот грохнуло как: кредит ставки повысили, платить нечем... Они приезжают ко мне на Пасху, он мне и говорит: «Мам, давай перебирайся к нам...» ...Вот мне так и пришлось перебраться на старости лет в Иваново... Срочно, с родины. И, главное дело, это тяжело, конечно... Но ради детей чего не сделаешь, да? ... молодую редиску пересади – она быстро примется... А меня-то, старую дуру, пересадили, и я вот сижу в своей комнате вот три года уже почти... Как бы я – инородное тело вот сюда... Ну кому я тут нужна? ...Приду к ним: кто в компьютер, кто в телевизор...Я сижу, мне вроде поговорить там хочется, да? Я дома с кошками сижу молчком... «Настя...» «Бабушка, не мешай!...» Ладно... «Алин, пойдем в ту комнату». «Бабушка, у меня свое!» Да елки-молалки, у всех свое... Ну что, посидишь, посидишь, с их кошкой поиграешь... Какие могут быть обиды? Я понимаю, что нечего обижаться. Но факт тот, что... контакт... ведь мы все на разном уровне... Пересадили меня из одной почвы пусть в лучшую, но я не прижилась... Мне тяжело... Никак...Ну, еще что вам такое о себе сказать? Конечно, под старость лет никому бы я не желала, даже заклятому врагу, вот такой вот пересадки.*

В более благополучном варианте жизнь, отданная близким, бывает связана не только с потерями, но и с приобретениями.

Таким образом, для большинства российских пенсионеров проблема жизни в старшем возрасте решается просто и естественно — через каналы семейных отношений. Дети и внуки естественным образом заполняют старость. В житейском плане это, как

правило, — один из наиболее благоприятных, психологически комфортных сценариев, который не требует внешнего социального участия.

В подобных случаях люди редко задумываются над альтернативными вариантами старения — прежде всего потому, что забота о близких, как бы ни была она затратна, как правило, приносит психологическую отдачу (если не благодарность, то как минимум чувство внутреннего удовлетворения).

Люди без детей, с одной стороны, наиболее уязвимы в пожилом возрасте, а, с другой, — это те, кто предъявляет к старшему возрасту наиболее осмысленные и серьезные требования (именно они чаще всего реализуют американскую модель жизни на пенсии).

В целом стратегия доживания с теми или иными вариациями, связанными с включением в нее элементов других стратегий, — основной способ организации жизни российского населения в старшем возрасте. В устойчивости этой стратегии есть очень сильный культурно-исторический аспект. Фактически, для уходящего поколения россиян вопросы выбора жизненного пути, смысла и целей жизни никогда всерьез не стояли — трудная жизнь сама задавала смыслы и цели. Отсюда специфически российское отношение к старости — это восприятие ее как достойно *завершенного* жизненного пути. В подобной позиции есть ощутимый привкус трагизма и стоического мужества. Это — не столько отношение к старости, сколько к самой жизни как нелегкому предприятию, исполненному трудов, лишений, горя и потерь. Тот факт, что это предприятие удалось завершить на должной нравственной высоте, дает человеку чувство глубокого удовлетворения. Старость сама по себе никакого смысла не имеет, это не более чем завершение трудного жизненного маршрута.

- *...Я доволен своей жизнью. Так-то пускай у меня все в труду, все в заботе, но, сколько горя пережил, это никому не скажешь. А и не с кем... А кто тебе что поможет? Никто. Поделишься, и все.*

Прожив трудную жизнь, не оставляющую места для радужных перспектив, пенсионер с горькой насмешкой воспринимает как наивный вопрос интервьюера о дальнейших планах:

- *Слушай, какие планы, мне по жизни 75. Да прожил – и слава Богу.*

Именно со стратегией доживания связаны основные стигматы старости — те социальные конструкты, которые порой работают на усиление естественно-биологических характеристик старшего возраста, а порой являются социальными «фантомами».

Социальные стигматы старости

Естественное состояние старости — это болезнь и немощь

Физическое увядание, утрата жизненных сил — главная тема, забота и фобия людей старшего возраста:

- *Вот я отвечаю на Ваш вопрос – что думают пенсионеры перед закатом своей жизни. Мы во власти нашего здоровья. Хорошо, если вот Бог бы послал хоть не*

зависеть, хоть бы... до магазина... ушла бы до магазина, например, хоть бы суп приготовить себе или хотя бы разогреть готовый, вот у нас теперь какая забота.

Вопрос о том, насколько подобное состояние естественно, должен быть задан медикам и биологам. Широко распространенному мнению о том, что старость — это болезнь, сегодня противопоставляется другая альтернатива, согласно которой естественное приближение к биологическому концу жизни не обязательно должно быть сопряжено с дряхлением. Как бы то ни было, социальная установка на то, что плохое самочувствие в старости нормально и естественно, порождает целый шлейф психологических и социальных последствий разного уровня. Это — и подсознательное конструирование состояния немощи (люди, общающиеся со стариками, могут привести массу подобных примеров), и осознанная эксплуатация пожилыми людьми образа слабости и беспомощности и требование соответствующего к себе отношения, и подход медиков к лечению пожилых людей.

Старость отнимает ресурсы у молодых

Показательным является мнение 68-летней женщины, которая считает бессовестным занимать рабочее место в ситуации массовой безработицы людей активного трудоспособного возраста.

- *Я ни одного дня не проработала на пенсии, потому что не было сил смотреть на это безобразие... Молодые сидят голодные, не работают. Работать негде. А я на пенсии. У меня хоть что-то есть, правда, какой-то доход, а я пойду занимать рабочее место? ...в детородный возраст у нас живут хуже, чем пенсионеры. Ведь мы сейчас, пенсионеры, фактически, 50% содержим детей. Так ведь? Согласитесь со мной? ...еще то, что нас, пенсионеров, уже много. Нас же 40 миллионов, я знаю, что все лишние... рассчитано по статистике 18 лет на пенсионера. А пенсионеры живут по 30. Что дальше будет? Как быть?*

Было бы безответственным оптимизмом не видеть оснований для существования подобной жесткой «социал-дарвинистской» точки зрения. Безработица, нищета, убогий быт, плохая медицина — подобная ситуация оставляет слишком мало ресурсов для пожилых людей. Ограниченность ресурсов объективно способствует воспроизведению очень жестких формул, вызывающих к естественно-биологическому порядку смены поколений («чужой век живет»). Аморальность подобных высказываний очевидна, но столь же очевидно и то, что современная российская действительность дает слишком много поводов для формирования подобной точки зрения.

Старость некрасива и уродлива

Это — еще один характерный стигмат старости, ярким примером которого выступает почти анекдотичный случай, рассказанный участницей ивановского исследования: женщине отказали в инвалидности по причине ухоженной внешности.

- *...мне инвалидность долго не давали, хотя мне положено было... У меня была проблема какая — я долго хорошо выглядела... Да, и смотрела за собой... И вот я на эту, на ВТЭК пошла, как я всегда хожу... У меня всегда прическа хорошая...*

Ну, оденусь соответствующим образом. Вот я пришла на эту, на ВТЭК, они меня чуть не симулянтка – нагрубили мне... со мной даже плохо было...

Проблема, однако, не сводится к стигматизации. Физическая непривлекательность в пожилом возрасте — это, действительно, проблема, которая серьезно осложняет жизнь многим людям, прежде всего — женщинам (напомним о гендерном смещении проблематики старшего возраста).

У этой проблемы есть несколько граней.

Прежде всего следует признать, у пожилого человека есть все основания для критического самовосприятия. Старость действительно в большинстве случаев некрасива, в то время как роль эстетических критериев в жизни человека огромна и определяет чрезвычайно широкий круг как осознанных, так и непроизвольных его реакций.

С другой стороны, и здесь уже начинают работать социальные конструкты, пожилые люди *знают*, что в старости *принято* выглядеть непривлекательно, и это оправдывает их нежелание прилагать усилия к поддержанию себя в форме.

Негативное восприятие своего внешнего вида приводит не только к эмоциональным переживаниям, но и к сужению социального пространства жизни, что, в свою очередь, усугубляет депрессивные настроения. Участницы ивановского исследования признавались, что, стесняясь своей изменившейся внешности, они перестают «выходить в люди», отказываются от посещения театров, встреч с новыми и старыми знакомыми, поклонниками. По-видимому, эстетическая реабилитация людей старшего возраста — один из существенных аспектов либерализации старения в том или ином ее варианте.

Старым ничего не нужно

- *Да уже старые стали. Не надо нам мебели новой, не надо нам одежды, — говорит 63-летняя женщина, «звездные» сверстницы которой в этом возрасте вовсю устраивают свою личную жизнь. Впрочем, в западных странах подобные практики характерны и для обычной, «незвездной» жизни.*

На фоне подобных установок особенно ярко звучит признание, неожиданно вырвавшееся у другой, 76-летней жительницы Ивановской области:

- *... знаете что, вот вы меня не спросили, а я вам скажу. Вот молодые думают, нам ничего не надо... Неправда все это. Неправда! Мы такие же живые люди..., мы просто ограничены состоянием здоровья. А... душа, вот как мне было 20 лет, так она у меня такая и осталась. Воспоминания вот, вспомнить есть о чем там — и приятное, и неприятное, все вот прямо вот, все кровь будоражит, и то, и другое, так что это не надо думать, что мы это вот... И одеться бы, одеться бы. Вот сидят многие, знаете вот, вот тоже ответ на вопрос, а мне уже ничего не надо. А я все равно говорю: а мне все надо! Меня только здоровье и деньги ограничивают. Вот два показателя — здоровье и деньги.*

Это признание освещает тему старости совсем по-новому, в неожиданном экзистенциальном ракурсе, исполненном, с одной стороны, трагизма, а, с другой —

жизнеутверждающего начала. И это — еще один повод для переосмысления темы либерализации старости.

Старость глупа, отстала, интеллектуально неполноценна

Это мнение часто разделяют как молодые, так и пожилые люди в отношении себя. Так, 68-летняя женщина рассуждает, что после 60-ти люди утрачивают интеллектуальные потенции:

- *...я считаю, ладно, еще до 60 работать, а после 60... Притупление ума идет, честно сказать. Потому что семья. Допустим, из меня какой работник сейчас? У меня шестой год дед лежит, инсультник. Какой он работник? Что из меня, какая работа? Я только, если ворота посторожить, и все.*

Обратим, однако, внимание на аргументацию женщины. Фактически, она говорит не об интеллектуальных, а о физических ограничениях: ее силы переключены на уход за тяжелым больным, и в этой ситуации говорить о полноценной социальной отдаче, конечно, не приходится.

В сегодняшней российской действительности одним из важнейших моментов маркирования пожилых граждан как «глупых и отсталых» выступают компьютерная грамотность и знакомство с миром современных информационно-коммуникационных технологий. Оторванность от этого мира автоматически зачисляет людей старшего возраста в интеллектуально неполноценных членов общества. Приведем рассуждения женщины, которая считает, что ей нечего сказать сегодняшним школьникам:

- *И.: Вот если бы вот Вас пригласили бы, позвали бы в школу, например, вот о чем бы Вы рассказали бы молодежи?*
- *Р.: Я бы просто не пошла. Вы понимаете, я это... ну, о чем я могу говорить, когда я сейчас вот, ну, как вам сказать? На их фоне, я как безграмотный человек выгляжу, на фоне вот компьютеров.*

Старость скучна и ущербна. Старым быть стыдно...

Это — своего рода квинтэссенция социальных установок в отношении пожилого возраста, и она представляет собой отнюдь не исследовательскую интерпретацию, но оценки самих людей, незаметно постаревших и превратившихся в тех, кого они когда-то презирали или, в лучшем случае, жалели:

- *Когда мы были молодыми, мы не думали, что когда-то мы будем старыми. И ...я презирала пенсионеров. Я приду в магазин и думаю: «Пенсионер, тебе делать нечего? Ты впереди меня в очередь втокнулась». Я их презирала. Потом наступил такой момент, когда на консультации люди уже пожилого возраста. Мы понимали, что нужно им писать большую зарплату. И мы им писали зарплату. Кто-то работал, а мы им писали. Потому что жалко все-таки*

человека. Пожилой, да еще и мужа нет. Да и детей-то она воспитывает одна. Из-за чувства жалости, мы им делали...

Люди, неожиданно оказавшиеся старыми («Это казалось так... Вы-то человек молодой. Это казалось так долго! А оказывается, раз, и все...»), болезненно переживают свою неполноценность и дистанцируются от травмирующего их мира. Таковы механизмы положительной обратной связи, ведущие к эксклюзии пожилых.

В соответствии с описанными выше конструктами и стигматами формируются (а) представления молодых членов общества о людях старшего возраста; (б) самовосприятие последних; (в) подсознательное планирование молодыми людьми своей будущей жизни в старшем возрасте. Приближаясь к порогу старости (который маркирован возрастом выхода на пенсию), люди психологически и социально настраиваются на то, чтобы быть больными, глупыми и некрасивыми. Иначе говоря, люди планируют быть «старыми» в самом печальном смысле этого слова. Реализуемая при этом стратегия доживания растягивается порой на четверть века и больше.

Стратегия № 3. Переориентация на социальную и личностную реализацию в новых сферах жизни.

Первая и вторая стратегии, в соответствии с которыми выстраивается жизнь большинства пожилых граждан, как правило, в той или иной степени являются *навязанными стратегиями* — жизнью, обстоятельствами, привычкой, ожиданиями окружающих, социокультурными нормами. Лишь в редких случаях мы имели дело с осознанным построением жизни в пожилом возрасте. Однако, по-видимому, лишь в этом случае можно всерьез говорить о *либерализации* в том или ином ее варианте.

Типичная модель, в которой воплощается третья стратегия, предполагающая обретение новых смыслов жизни, связана с восприятием пенсии как «окончательного отпуска». В соответствии с этой стратегией, жизнь за порогом пенсионного возраста оказывается сферой чистых удовольствий и развлечений. Пожалуй, это — единственная область, в которой идея «либерализации старости» кажется убедительной и обретает реальные очертания. Это возвращение на новом витке жизни к состоянию идеального детства, не обремененного заботами и целиком сосредоточенного на игре и удовольствии. Такая модель давно и достаточно убедительно реализована в западном обществе, в котором выход на пенсию открывает радости познания мира и самореализации.

Совершенно очевидны при этом три обстоятельства. Первое — что такого рода модель старости возможна только при достижении достаточного уровня материальной независимости, дающей свободу от бытовых забот.

Здесь можно провести очень глубокую этологическую аналогию с играми животных. Обычно они свойственны только молодняку или взаимоотношениям матери и молодняка. Взрослые животные между собой, как правило, не играют. Между тем многолетние наблюдения поведения популяции песцов о-ва Медный (Командорские о-ва), живущей в богатой ресурсами и свободной от хищников среде, зафиксировали элементы игрового поведения взрослых животных. По свидетельству исследователей, здесь они играют друг с другом до старости. Неразмножающиеся — чаще, чем размножающиеся, но в принципе играют и те, и другие. Любопытно, что песцы играют как друг с другом, так и с

представителями других видов, входящих в их «социальное окружение» — в частности, с котиками (дразнят их, задирают)¹⁵. Игры взрослых особей – очень показательное изменение в поведении, вызванное комфортными условиями существования, и оно допускает междисциплинарные обобщения.

Второе обстоятельство, органично вытекающее из первого, состоит в том, что Россия продолжает оставаться страной «старых стариков». Социальный фон российской провинциальной старости — это убогий быт, отсутствие элементарных составляющих коммунальной инфраструктуры, нищета, непрерывный сельскохозяйственный труд, позволяющий только сводить концы с концами. Провинциальная Россия XXI в. живет едва ли не в условиях натурального хозяйства, обеспечивая себя основными средствами существования за счет огорода и скотины. Люди, попадающие в подобную ситуацию из другого, более цивилизованного мира, как будто проваливаются на несколько столетий в глубь истории. Именно так характеризует свое мироощущение 63-летняя образованная женщина, попавшая в «мясорубку» перестройки и волей обстоятельств оставшаяся без семьи и трудового стажа. Десять лет назад, в возрасте 53 лет, она приняла решение переехать в деревню.

- *У меня сложилось впечатление, я живу десятый год здесь, что существует два параллельных мира: мир городской и мир деревенский. И мир деревенский никому сейчас не нужен, он остался без внимания. ...То есть, переехав в деревню, меня как будто без суда и следствия лишили теплой воды, туалета, воды и так далее. Как бы наказали. А за что? Ведь, действительно, есть люди. Мне хочется жить на природе, мне хочется работать с землей, но условия жизни должны быть по стандартам все-таки нашего времени, а не по стандартам Средневековья.*

Наконец, третье соображение по поводу «невзрослого» поведения на склоне лет связано, в контексте обсуждаемой теоретической дилеммы, с сомнениями относительно того, что модель «либерализации старости» предполагает именно такой стиль жизни. И по своим ценностным основаниям, и по поведенческим практикам эта модель тяготеет, скорее, к «либерализации от старения», а, в крайнем варианте, к тому, что Д. Рогозин назвал «гламурной старостью». Между тем, имплицитно «либерализация старения» предполагает, по-видимому, выстраивание более содержательных и общественно значимых отношений между стареющим человеком и социумом. Экспликация подобных отношений — непростая исследовательская задача.

Как бы то ни было, материалы ивановского исследования содержат немного примеров стратегии третьего типа.

- *Р.: Ой, теперь свободного времени столько! Мы очень любим ездить, путешествовать, я имею в виду. ...В этом году мы были в Египте и в Эмиратах Арабских.*
- *...И.: В Иванове вы как проводите свободное время?*
- *Р.: В театр ходим. На концерты.*

¹⁵Гольцман М. Я., Крученкова Е. П. Доклад «Социальное поведение медновских (командорских) песцов» на семинаре сектора социологии знания Института социологии РАН 14.02.02.

- *И.: Вы когда последний раз были в театре?*
- *Р.: Когда? К своему стыду, в этом году еще не ходили. Вот хотим сходить сейчас на Майданова, на концерт Дениса Майданова¹⁶.. А так ходим, в музкомедию нашу ходим. В театр? Я наш театр не люблю почему-то. Единственное, хотелось бы на москвичей сходить. Вот москвичи приезжают со спектаклями. Но говорят, поздно, потом не уедешь, вот это плохо. А так, ходим в театр, ходим на концерты.*
- *И.: А еще как?*
- *Р.: Читаем.*
- *И.: Книжки?*
- *Р.: Да, читаем книги, читаем журналы. Пенсионерствуем.*

Еще одна сфера деятельности, в которой эта женщина, как и многие другие россияне, причем отнюдь не только пенсионного возраста, с радостью себя реализует, — это сад / огород.

Работа на земле — одна из важнейших отдушин современного жителя России. Конечно, любовь к собственноручному выращиванию разного рода растений отличает отнюдь не только россиян, скорее ее следовало бы отнести к разряду «общечеловеческих» ценностей представителя современной урбанистической цивилизации. Трепетная, часто даже экзальтированная любовь к домашним животным — явление, по-видимому, того же порядка. Уникальность российской ситуации состоит прежде всего в чрезвычайно низком материальном уровне жизни, что искажает многие естественные, базовые формы организации жизни в пожилом возрасте. Если говорить непосредственно о «садовой страсти» российских пенсионеров, то она усилена двумя обстоятельствам. Во-первых, пенсионерам, как правило, недоступны другие, более затратные формы досуга. В частности, пресловутые путешествия, которые для пожилых не менее заманчивы, чем для молодых, но которые для многих из них остались в прошлом. Достаточно часто информанты говорили даже о невозможности выделить из своего пенсионного бюджета деньги на театр, концерт. Вторая особенность, имеющая те же самые, материальные, причины, что и первая, — это прагматическая польза от садово-огородных занятий. Интервью пенсионеров Ивановской области у городского читателя может вызвать оторопь — огромное их число живет, по сути, в условиях натурального хозяйства! В этой ситуации трудно отделить пользу от удовольствия, скорее, они сплавлены в единственно возможный для человека российской глубинки уклад жизни.

В целом жизненная ситуация женщины, интервью с которой цитировалось выше, очень показательна в нескольких отношениях. Во-первых, в данном «кейсе» представлена западная модель пенсионной жизни. Примечательно, что сам выход на пенсию был не то чтобы полностью добровольным, но, во всяком случае, содержал ощутимую долю осознанного выбора. Особенно ярко это проявилось в ее рассказе о выходе на пенсию мужа (свою собственную историю прекращения трудовой деятельности информантка не осветила).

- *Р.: У меня и муж работал, только в этом году закончил работать.*

¹⁶ Обратим внимание на исполнителя, которого называет женщина, — он представляет музыкальную культуру молодого, но отнюдь не уходящего поколения.

- И.: Почему он закончил работать?
- Р.: Как-то ему уже 66 лет.
- И.: Здоровье?
- Р.: Нет, здоровье нормальное. Говорю, давай отдыхать. Потом сложилось так, что его не отпустили в отпуск, и он рассчитался.
- И.: В окончательный отпуск.
- Р.: Да. И ушли в окончательный отпуск.

Таким образом, переход к пенсионному статусу обоих супругов не был связан ни с состоянием здоровья, ни с ликвидацией места занятости, ни с необходимостью помогать детям и внукам, ни с прочими вынужденными обстоятельствами. Они просто решили *отдыхать* — насладиться состоянием бессрочного отпуска. Примечательным моментом является то, что у данной супружеской пары нет детей, и это существенно расширяет границы их личной свободы. В связи с этим обстоятельством можно вспомнить любопытный эпизод времени самого начала освоения россиянами возможностей международного туризма, промелькнувший в «Комсомольской правде» (ориентировочно — в конце 80-х — начале 90-х). История поистине трагикомическая: одиноко проживавшая пожилая пенсионерка из Казани («Комсомольская правда» поместила ее фотографию — *«натурально»* бабушка в платочке) обменяла свою квартиру на комнату, а на вырученные деньги стала регулярно ездить в круизы на океанских лайнерах. Дети, враз лишившиеся большей части наследства, подали на психическую экспертизу старушки. Как и любой *«анекдот»* (в семантике XIX в. «реально произошедший любопытный случай»), это — всего лишь *«анекдот»*. Однако нетрудно вычитать в нем определенную социокультурную схему организации российского бытия, не позволившую воспринять решение пенсионерки как нормативно оправданное.

Еще одно обстоятельство, заслуживающее упоминания в связи с представленной выше биографической ситуацией, — общий интеллектуальный и культурный уровень развития информантки. Она получила два высших образования, с удовольствием работала и одну из важнейших составляющих хорошей работы видит в возможности самореализации. Все это подтверждает одну из базовых гипотез исследования, согласно которой проблема осмысленной старости решается значительно раньше наступления пенсионного возраста — фактически это проблема осмысленной жизни как таковой. Заметим, что *«молодые старики»*, умеющие наслаждаться жизнью, — это те, у кого есть не только деньги, но и навыки содержательного наполнения жизни. Неслучайно одним из важнейших отличительных признаков *«молодых стариков»* является высокий образовательный статус.

Вопрос о гипотетических преимуществах пожилого возраста в современном исследовательском дискурсе негласно табуирован. Это закрывает возможность *«прорыва»* к тем реальным жизненным смыслам и ценностям, которые обретаются в зрелом возрасте. Между тем осмысление проблематики третьего и четвертого возраста требует некоторой исследовательской жесткости, связанной с преодолением *«гуманистических клише»* и пониманием реальных запросов людей, следующих той или иной стратегии старения. Возможно, это придаст теоретической дихотомии *«либерализация старения vs либерализации от старения»* бóльшую глубину и аналитическую силу.

Литература

- 1 Григорьева И. Социальное обслуживание пожилых и развитие сообществ: применим ли западный опыт в России? // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/socialnoe-obluzhivanie-pozhilyh-i-razvitie-soobshchestv-primenim-li-zapadnyy-opyt-v-rossii>.
- 2 Денисенко А. Тихая революция // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/tihaya-revolyuciya>.
- 3 Левинсон А. Старость как институт // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/starost-kak-institut>.
- 4 Левинсон А. Г. Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011. Т. 109. № 3. С. 52–81.
- 5 Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
- 6 Шмерлина И. А. Свободное время – навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 5–31.